

DOI: 10.26907/2074-0239-2019-57-3-176-181
УДК 80-8

ОБРАЗЫ ПАЛОМНИКОВ В МЕККУ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ И. БУНИНА, Н. ГУМИЛЕВА, В. НАБОКОВА

© Рано Сафиулина

THE IMAGES OF PILGRIMS TO MECCA IN THE INTERPRETATION OF I. BUNIN, N. GUMILEV, AND V. NABOKOV

Rano Safiulina

The paper deals with the pilgrimage theme and images of Muslim pilgrims in the works of I. A. Bunin, N. S. Gumilev, and V. V. Nabokov. In this regard, we investigate the interpretation of Muslim pilgrim images by the above-mentioned Russian writers of the early twentieth century in comparison with Western European and Russian classical pilgrim literature. The comparative method allowed us to conclude that the images of pilgrims to Mecca, the genre of a travelogue, and the style of these writers' pilgrimage works became a continuation of Russian classical orientalism and, at the same time, a new word in the artistic interpretation of the East in the twentieth century. Bunin, Gumilev, and Nabokov, although completely different in their worldview and artistic style, lack antagonism between the "I" and the "Other", moreover, the "Other" - the East - is included in the world outlook of the "I" as a natural part of the author's artistic consciousness. The novelty of the study is seen in the fact that for the first time in literary criticism we have studied the features of travelogue in Bunin's work, the specifics of Nabokov's inclusion of oriental reminiscences in the texts of his works, and the allusion of "oriental" images and key tokens from the pilgrimage works of Bunin and Gumilev in the works of Nabokov.

Keywords: Bunin, Gumilev, Nabokov, Quran, Mecca, Hajj, Hajji, pilgrim, travelogue.

В статье рассматриваются особенности паломнической темы и образов мусульманских паломников в творчестве И. А. Бунина, Н. С. Гумилева, В. В. Набокова. В связи с этим исследуются интерпретации образов мусульманских паломников вышеназванными русскими писателями начала XX века в сопоставлении с западноевропейской и русской классической паломнической литературой, имеющей свою сложившуюся многолетнюю традицию. Компаративный метод позволил сделать вывод, что образы паломников в Мекку, жанровая форма – травелог, стилистика паломнических произведений этих писателей стали продолжением русской классической ориенталистики и одновременно новым словом в художественной интерпретации Востока XX века. В произведениях совершенно разных по своему миропониманию и художественному стилю писателей – Бунина, Гумилева, Набокова – отсутствует антагонизм между «Я» и «Другим», где «Другой» – Восток – включается в миропонимание «Я» как естественная часть художественного сознания автора. Новизна исследования видится в том, что впервые в литературоведении рассматриваются особенности травелога в творчестве Бунина, специфика включения Набоковым восточных реминисценций в тексты своих произведений, аллюзии «восточных» образов и ключевых лексем из паломнических произведений Бунина и Гумилева в творчестве Набокова.

Ключевые слова: И. А. Бунин, Н. С. Гумилев, В. В. Набоков, Коран, Мекка, хадж, паломник, пилигрим, травелог.

Тема паломничества в западноевропейской и русской литературе имеет многолетние традиции. Э. В. Саид, анализируя паломническую литературу Европы, выделил два концепта Востока в трудах европейских ученых и писателей: английский и французский. В английском видении восточных народов преобладал колониальный, «территориальный императив», безусловное превосходство европейской цивилизации. Француз-

ская интерпретация Востока, по мнению Э. В. Саида, была связана с утратами влияния Франции на восточные страны, потерей ее цивилизаторской миссии. «То был Восток воспоминаний, хранящих память руин, забытых тайн, скрытых посланий и почти виртуозного стиля бытия» [Саид, Эдвард Вади, с. 192]. Стилизация «восточного» стала главной в творчестве французских писателей.

Русские писатели конца XIX – начала XX века создали в своих произведениях собственный художественный концепт паломнической литературы, отразивший тенденции своей эпохи. Прежде всего русские писатели, наряду с европейскими, пережили «кризис европоцентризма». Наступившая эпоха модернизма привела к смещению акцентов в связке «действительность» – «художник». На первый план выдвигается сознание творца искусства, самоценность его художественного видения мира. Впечатления самого писателя от реальных путешествий в восточные страны, отклик его на богатейшие традиции культуры, религии, философии, литературы народов этих стран стали источником интереса читателей. Художественная интерпретация дополняется научным, исследовательским подходом. «Отмеченные „риторикой спонтанности“ и ежедневными фрагментарными описаниями, путевой дневник и этнографический репортаж являются самыми распространенными формами у писателей путешествия XX века» [Майга, с. 255].

Бунин, Гумилев, Набоков по своему миропониманию и художественному стилю совершенно разные писатели, но объединило их в интерпретации Востока отсутствие антагонизма между «Я» и «Другим». «Другой» – Восток – включился в их творчестве в миропонимание «Я» как естественная часть художественного сознания автора. Изображение исламского мира, образы паломников в Мекку приобрели в структуре художественных произведений писателей интенциональную семантику в зависимости от творческих задач автора произведения. «Другой» – Восток – включился в парадигму творческих поисков русских писателей, создания самобытного творческого «Я».

Паломническая тема в творчестве

И. А. Бунин

Для Бунина обращение к культуре мусульманского Востока, восточной философии и литературе, Корану стала важным моментом в его раннем творчестве. «На рубеже XIX–XX веков Бунин был одним из тех, кто способствовал размыканию европоцентризма» [Двинятина, с. 103].

Написанию «восточных произведений» предшествовала тщательная научная и духовная подготовка – изучение источников, Корана. «Ислам глубоко вошел в его душу», – написала о Бунине его жена В. Н. Муромцева-Бунинна [Муромцева-Бунинна, с. 247]. «Коран» А. Биберштейн-Казимирского в переводе К. Николаева стал неотъемлемой частью мультикультурного мировоззрения И. А. Бунина. Интерпретационной основой произведений раннего Бунина стали не толь-

ко непосредственно главы Корана, но и многочисленные примечания автора. Коранические имена Бунин передает в христианском звучании, как в Коране Биберштейн-Казимирского. «Оставить чекан» – такова задача писателя-реалиста Бунина, то есть предельно объективно и документально отразить культурные явления человечества, в данном случае – традиции мусульманского паломничества в Мекку. «Так развернулись мировые дали и потом опять сомкнулись в объединяющем сердце поэта. Оно – всему родное» [Айхенвальд, с. 123].

Паломнические произведения Бунина можно разделить на две группы. Первая группа поэтических и прозаических текстов представляет собой описание реального пути паломников в Мекку. Эти тексты написаны в жанре травелог, в них преобладает документальная точность (стихотворения «Пилигрим» (1906–1910), «Щебечут пестрокрылые чеканки» (1907), «Нищий» (1907), «Каир» (1906–1907), «Караван» (1908), «Бедуин» (1908), рассказы «Тень птицы» (1907), «Дельта» (1907), «Свет зодиака» (1907), «Камень» (1908)). «Травелог открыт внешнему миру и соблюдает свои правила: в нем реальность берет верх над вымыслом» [Майга, с. 257].

Точность, предельная объективность, почти научное видение позволяют поэту запечатлеть антропологические особенности жизни восточных народов. Бунин точно фиксирует аутентичные одежду, звуки речи, ритуалы. Паломническая картина включает в себя детальные описания пути, пейзажа, цветовой гаммы, предметов поклонения.

Вторая группа произведений Бунина посвящена духовному пути пилигримов, Корану (стихотворения «Ковсень» (1903), «Звезды горят над безлюдной землею» (1903), «Ночь Аль-Кадра» (1903), «Тэмджид» (1905), «Черный камень Каабы» (1903–1905, «За измену» (1903–1906), «Зеленый стяг» (1903–1906), «Священный прах» (1903–1906), «Завеса» (1912)).

Высокий эмоциональный настрой, патетика, возвышенная лексика в этих стихотворениях имплицированы текстом Корана и «Газкиратом» Саади. Бунин продолжил традиции коранической литературы А. Пушкина, М. Лермонтова, Я. Полонского. Но Бунин – писатель эпохи модернизма, поэтому он отказывается от революционно-освободительного пафоса трактовки Корана, характерного для русского романтизма. Также ему чужда нравственно-морализаторская трактовка коранических легенд персидским поэтом Саади.

Стихотворение Бунина «Пилигрим» представляет собой реальную зарисовку увиденного писателем во время путешествия по Востоку.

Писатель передает приверженность своего паломника мусульманским обрядам: время молитвы застало его в пути, у якорных цепей. «Верующий, преодолевая физические трудности пути к месту поклонения мусульман – Мекку, отдалается от мира этого с его суетой, отвлекающей от всецелого посвящения себя Господу» [Энциклопедический словарь..., с. 951–952]. Портрет паломника: *он одет в простое одеяние, в чалме.*

Бунина поразили религиозный экстаз мусульман во время молитвы. Полное погружение в молитву в исламе называется «фана» – то есть растворение в молитве. Пятикратная молитва в течение дня подтверждает верность Всевышнему. *Терпи, молись – и верь*, – пишет Бунин в стихотворении «Ковсерь» (1903). За исполнение заветов, за истовость молитвы приверженца ислама ждет покой в Святой стране, в райских садах Джинната, на берегах вечно прекрасной, лазурной реки Ковсерь.

Не все паломники выдерживают трудностей паломничества. Многие, особенно пожилые, мечтают умереть по пути в Мекку, так как, согласно обычаям ислама, человек, умерший во время хаджа, попадает сразу в рай. Поэтому в качестве «путеводных знаков», ориентиров в пустыне Бунин описывает камни – «четки пилигримов» и многочисленные человеческие кости.

Костями бог усеял все дороги,

Как след гиен среди ущелий Ти [Бунин, т. 1, с. 126].

Целью хаджа является посещение в Мекке священного черного камня Каабы. В стихотворении «Черный камень Каабы» (1903–1905) Бунин излагает легендарную историю священного камня, почерпнутую из Корана. Камень из яшмы, неизреченной белизны, как цвет садов блаженно-го Джинната, охраняемый гениями, померк от бесконечных молитв, тоски сердец, от слез и горести людской.

В паломнических произведениях Бунин выражает главную идею своего творчества: человечество – это единая цепь. Назвав стихотворение «Пилигрим» (что на латинском языке означает «странствующий»), русский писатель поднимает образ мусульманского паломника до общечеловеческого уровня. Путь к Всевышнему – общий для всех народов Земли. Камни вдоль дорог, человеческие кости пролагают путь для новых поколений паломников.

Образы паломников в творчестве

Н. С. Гумилева

Тема паломничества в Мекку возникает и в творчестве Н. С. Гумилева. Во время путешествий в Африку поэт часто видел мусульманских пилигримов. Стихотворение «Паломник» (1911) входит в сборник Гумилева «Чужое небо» (1912). 1910-ые годы – время интенсивных поисков поэтом своего видения мира. Гумилев создает новую акмеистическую концепцию искусства, в основе его поэзии «эвримен» – всечеловек, универсальный, всеобщий человек, судьба которого воплощена в мифопоэтическую форму притчи о падшем человеке. Герои стихотворений – инварианты «евримена» [Сафиулина, 2019, с. 29].

Главная тема сборника «Чужое небо» – трагическое одиночество человека, его онтологическая чуждость прародине и новой родине – земле. Человек пытается при помощи любви преодолеть свою судьбу и прорваться к небу, к Отцу. Любовь интерпретируется Гумилевым в платоновском понимании в качестве связующей нити между «небом» и «землей» [Сафиулина, 2017, с. 26]. Поэт использует в стихотворении «Паломник» характерную для акмеистов балладную форму.

Герой стихотворения «Паломник» старый Ахмет-оглы увидел во сне Аллаха и, выполняя его завет, не обращая внимания на насмешки соседей, ругань жены и детей, отправляется к Мекке. Хадж придал высший жизнотворческий смысл его земному существованию. Ахмет-оглы погибает в пути, так и не достигнув Мекки, но своим поступком он разрывает земные путы. Его бессмертный дух возвращается на прародину. Сын Н. Гумилева, антрополог Л. Гумилев, называет позже таких людей «пассионариями».

Он упадет, но дух его бессмертный

Аллах недаром дивно окрылил...

Все, что свершить возможно человеку,

Он совершил – и он увидит Мекку [Гумилев, с. 172].

Гумилев как поэт-акмеист детально, в живописной манере изображает портрет паломника (*На нем халат изодранный, а новый / Лиловый, шитый золотом, в мешке*), его тернистый путь среди песков, терновников, шакалов, разбойников. Ахмет-оглы – шиит, сторонник одного из двух направлений в исламе, признающих поклонение земному представителю Всевышнего на земле. Экфрасис помогает Гумилеву «живописать» яркие сны героя, пейзажи пустыни, Красного моря, Багдад, Бассор.

Как и Бунин, Гумилев интерпретирует историю хаджа рядового паломника и в трактовке

суфизма. В стихотворении «Паломник» звучит суфийский мотив вечного возвращения к своему дому, воплощенному в образе Мекки. «Одним из самых ярких воплощений образа-символа (паломник) в творчестве Гумилева является стихотворение «Паломник», герой которого – Ахмет-оглы – «движется к земной Мекке, но обретает Мекку небесную» [Раскина, с. 7–8]. Реминисценция легенды о мирадже пророка Мухаммада звучит в тексте «Паломника»:

Один пророк
Внимал Аллаху, бледный, вдохновенный,
Послом от мира горя и тревог
Он улетал к обители нетленной [Гумилев, с. 172].

Вера в высшие истины изменила смертную судьбу обычного труженика Ахмата-оглы и позволила ему повторить путь пророка.

Образ паломника в Мекку в творчестве В. В. Набокова

Тема паломничества в Мекку получила неожиданную интерпретацию в творчестве В. В. Набокова В 1927 году в Берлине молодой поэт пишет стихотворение «Паломник» и посвящает его своему товарищу по трудным эмигрантским тропам, критику Ю. И. Айхенвальду (1832–1928). Произведение молодого поэта наполнено неизбывной тоской по родине. Покинутая Россия, страстное желание вернуться домой, в любимые с детства места стали метатемами творчества Набокова-Сирина. Писатель сопоставлял эту мечту вернуться домой со счастьем паломника, стремящегося в Мекку. Мекка в стихотворении Набокова утратила религиозный смысл и получила общечеловеческий символический смысл – как высшая цель, заветная мечта человека.

Для Набокова образ России, сохраненный его памятью и воссозданный его творчеством, сон о Родине были ближе, чем реальный мир вокруг: *всякой яви совершеннее / сон о родной стране* [Набоков, 2002, с. 190–191]. «Мы можем говорить об особом литературном обрамлении всей творческой жизни Набокова. Речь идет даже не столько о влияниях и традициях классики XIX в., сколько о самом литературном мире, существовавшем в воображении писателя и бывшем для него, по-видимому, большей реальностью, чем действительный окружающий мир» [Целкова, с. 50].

Блоковское «In vino veritas» рождает в сознании лирического героя «Паломника» Набокова образ необычного бога вина – смеющегося бога-виноградаря, бога коричневого, аллюзии Диониса, Вакха и Эроса. Бог любви Эрот (по одной версии – нежный, по другой – грубый и некраси-

вый) – связующее звено между идеальным и материальным мирами. Дионис – бог возрождения и вечного обновления жизни, бог надежды.

Хозяин звезд, и ветра зычного, и вьющихся дорог,
бог-виноградарь, бог коричневый, смеющийся
мой бог,
позволь зарю в стакан мой выдавить, чтобы небесный хмель
понес, умчал меня за тридевять синееющих земель
[Набоков, 2002, с. 190–191].

Напоив его хмельным напитком, Бог-виноградарь вводит в пьяное забытие. В отуманенном вином сознании лирический герой исполняет свою заветную мечту – возвращается домой, в отчую усадьбу.

Я возвращусь в усадьбу отчую средь клеверных полей...

И я тогда услышу: вспомни-ка рыдающий вагон
и счастье странного паломника, чья Мекка там,
где он [Там же].

В стихотворении отражен принцип «потусторонности», характерный для творчества Набокова, тесно связанный с андрогином Платона, «...заимствованная у Блока ведущая тема набокковской поэзии воплощает платоновскую идею, согласно которой в любви, этом чувстве, восстанавливающим трансцендентальную цельность бытия, души человеческие взыскуют объединения со своими половинами, от которых отделены были при воплощении» [Александров, с. 135]. «Половинками» андрогина у Набокова выступают душа героя и его Родина.

«Паломник» Гумилева станет основой для литературной игры в рассказе Набокова «Пильграм» (1930). Фамилия героя означает «пилигрим», имя – странник, погибающий в пути [Жутовская, с. 222]. Если изображение повседневного существования героя рассказа Набоков строит на аллюзиях из стихотворений «Незнакомка» и «Ночь, улица, фонарь, аптека...» А. Блока, то попытка Пильграма отправиться в странствование в точности повторяет коллизию жизненной истории и паломничества старого Ахмет-оглы, героя «Паломника» Гумилева.

Оба героя живут в атмосфере обыденной повседневности, изнурительных бытовых проблем. В один прекрасный момент, став уже пожилыми, больными людьми, они предпринимают попытку преодолеть свое прозаичное существование. Отринув от себя тупую «жизнь по кругу», они отправляются в *путь* – пилигримство в поисках высшего смысла человеческого бытия.

Затхлое существование уничтожило все лучшее в Пильграме. Можно не согласиться с мнением Н. Жутовской: «Перед нами крайне неприятный, тупой, грубый и злобный человек, типичный бюргер, способный, как видно из его истории, на воровство и подлость» [Там же, с. 223]. Пильграм – глубоко несчастный, раздавленный бытом человек. Но у него есть небюргерская мечта, его сверхзадача, «его счастье», которую он решил осуществить, перейдя «по ту сторону добра и зла» (Ф. Ницше). Ценой обмана жены, соседей, кражи денег за коллекцию вдовы Пильграм предпринимает попытку вырваться из бессмысленной, бесцельной жизни и устремляется к воплощению той страстной, неизменной, изнурительной и блаженной мечты, которой он болел с тех пор, как себя помнил [Набоков, 1990, с. 402] – отправиться в энтомологическую экспедицию, самому ловить бабочек в разных странах мира.

Обоих героев можно назвать с точки зрения здравого смысла безумцами. Ахмет-оглы оказался счастливее Пильграма, мир открылся перед ним, он в реальности увидел пустыню, города, божественное небо, освещенное по велению Всевышнего звездами и луной. Герой Набокова все это увидел только в своих удивительных снах. Влияние Гумилева, его произведений «Паломник», «Эзбикие», «Орел Синдбада», «Дитя Аллаха» заметно в набоковском описании волшебных снов Пильграма:

Забирался он и на восток, в волшебный Уссурийский край, и далеко на юг, в Алжир, в кедровые леса, и через пески в оазис, орошенный горячим источником, где пустыня кругом тверда, плотна, в мелких левкоях и в лиловых ирисах [Там же, с. 405].

Герои умирают, так и не достигнув цели своего пути. Ахмет-оглы погибает на караванных тропах, не увидев Мекки; Пильграм не сумел даже сесть в поезд. Но Набоков заканчивает печальную историю Пильграма фразой: *Да, Пильграм уехал далеко...*, и в некотором смысле совершенно неважно, что герой умер. И Гумилев страстно восклицает в конце истории паломника Ахмет-оглы: *<...> и он увидит Мекку*. Оба эти образа поднимаются до высот философского осмысления смысла человеческого существования, онтологии «Я» человека.

Тема паломника, стремящегося попасть в Мекку, нашла уникальную в художественном плане трактовку в произведениях Бунина, Гумилева, Набокова. Для русских писателей паломничество в Мекку – часть общечеловеческой культуры и цивилизации.

Принципы художественной организации паломнической темы в творчестве Бунина основаны на объективности, документальности, сложном эклектическом переплетении мусульманских и общечеловеческих ценностей. Образы паломников в Мекку, картины хаджа выдержаны писателем в жанре травелога. В ряде других произведений паломнического цикла писатель передал возвышенный дух и красоту Корана.

Гумилев трактует паломничество как альтернативу деятельности человека как *homo faber*. Мекка трактуется поэтом как мифопоэтический символ, ставший для героя стихотворения «Паломник» стимулом для жизнотворчества. Старый Ахмет-оглы погибает в пути, так и не достигнув Мекки, но своим поступком он расширяет границы человека как личности, ее синергийного самообновления, встав в ряды «пророков и светил».

Творчество Набокова В. – причудливое переплетение культурных ассоциаций, реминисценций, дискурсов, навеянных памятью поэта. Она показательна и ценна своим активным включением в метаконструкцию художественного мира писателя богатства мирового наследия, в том числе и духовных сокровищ Востока. Мекка в интерпретации писателя из религиозного символа преобразуется в общечеловеческое обозначение главной цели устремлений человека. Мекка – это начало пути самоидентификации человека.

Стихотворения Бунина, Гумилева, Набокова, посвященные паломникам в Мекку, стали классикой. В 1958 г. И. Бродский под влиянием магии этих строк напишет свой вариант паломнического стихотворения «Пилигримы». Но его паломники идут *мимо Рима и Мекки*, не веря ни в себя, ни в бога, с ними *только иллюзия и дорога*.

Список литературы

- Айхенвальд Ю. И. Иван Бунин // Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. Вып. 3. М.: Науч. слово, 1910. С. 112–125.
- Александров В. Е. Набоков и потусторонность. СПб: Алетейя, 1999. 237 с.
- Бунин И. А. Собрание соч. в 6-ти т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1987. 687 с.
- Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. Л.: Художественная литература, 1988. 632 с.
- Двинятина Т. М. Поэзия И. А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: дис. ... докт. филол. наук: СПб, 2015. 441 с.
- Жутовская Н. Аврелианец Пильграм // Звезда. 2016. № 11. С. 221–227.
- Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 3 (37). С. 254–259.

Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / вступ. ст., примеч. А. К. Бобореко. М.: ПРОЗАИК, 2019. 560 с.

Набоков В. В. Пилграм // Набоков В. В. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2. М.: Правда, 1990. С. 398–410.

Набоков В. В. Стихотворения. Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. М. Э. Маликовой. СПб: Акад. Проект, 2002. 655 с.

Раскина Е. Ю. Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилева. М.: МГИ, 2009. 222 с.

Сайд, Эдвард Вади. Ориентализм. Западные концепции Востока / Эдвард В. Сайд; пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб: Русский мир, 2006. 637 с.

Сафиулина Р. М. Платоновские мотивы в творчестве Н. С. Гумилева (Опыт акмеистического прочтения Платона) // Филологические науки: Вопросы теории и практики, 2017. № 5–2 (71). С. 24–28.

Сафиулина Р. М. Притча о человеке Н. С. Гумилева. Монография. М.: Университет «Синергия», 2019. 143 с.

Целкова Л. Н. Романы Владимира Набокова и русская литературная традиция. М.: Русское слово, 2011. 232 с.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Том 72. СПб, 1902. 956 с.

References

Aikhenval'd, Iu. I. (1910). *Ivan Bunin* [Ivan Bunin]. Aikhenval'd Iu. I. Siluety russkikh pisatelei. Vyp. 3, pp. 112–125. Moscow, Nauch. slovo. (In Russian)

Aleksandrov, V. E. (1999). *Nabokov i potustoronnost'* [Nabokov and Otherworldliness]. 237 p. St.Petersburg, Aleteiia. (In Russian)

Bunin, I. A. (1987). *Sobranie soch. v 6-ti t.* [Collected Works. In 6 Vol.]. Т. 1. 687 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Dviniatina, T. M. (2015). *Poeziia I. A. Bunina: Evoliutsiia. Poetika. Tekstologiya: dis. ... dokt. filol. nauk* [The Poetry of I. A. Bunin: Evolution. Poetics. Textology: Doctoral Thesis]. 441 p. St. Petersburg. (In Russian)

Entsiklopedicheskii slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona (1902) [Encyclopedic Dictionary of F. A.

Brockhaus and I. A. Efron]. Tom 72. 956 p. St. Petersburg. (In Russian)

Gumilev N. S. (1988). *Stikhotvoreniia i poemy* [Verses and Poems]. 632 p. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Maiga, A. A. (2014). *Literaturnyi travelog: spetsifika zhanra* [Literary Travelogue: The Specifics of the Genre]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 3 (37), pp. 254–259. (In Russian)

Muromtseva-Bunina, V. N. (2019). *Zhizn' Bunina. Besedy s pamiat'iu* [The Life of Bunin. Conversations with Memory]. Vstup. st., primech. A. K. Boboreko. 560 p. Moscow, PROZAIK. (In Russian)

Nabokov, V. V. (1990). *Pil'gram* [Pilgram]. Nabokov V. V. *Sobranie sochinenii v 4-kh t. Т. 2*, pp. 398–410. Moscow, Pravda. (In Russian)

Nabokov, V. V. (2002). *Stikhotvoreniia* [Poems]. Vstup. st., sost., podgot. teksta i primech. M. E. Malikovoi. 655 p. St.Petersburg, Akad. Proekt. (In Russian)

Raskina, E. Iu. (2009). *Geosofskie aspekty tvorchestva N. S. Gumileva* [Geosophical Aspects of N. S. Gumilev's Work]. 222 p. Moscow, MGI. (In Russian)

Safiulina, R. M. (2017). *Platonovskie motivy v tvorchestve N. S. Gumileva (Opyt akmeisticheskogo prochteniia Platona)* [Plato's Motifs in N. S. Gumilev's Works (Experience of Acmeistic Reading of Plato)]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*, No. 5–2 (71), pp. 24–28. (In Russian)

Safiulina, R. M. (2019). *Pritcha o cheloveke N. S. Gumileva* [The Parable about Man by N. S. Gumilev]. *Monografiia*. 143 p. Moscow, Universitet "Sinergiia". (In Russian)

Said, Edvard Vadi. (2006). *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western Concepts of the East]. Edvard V. Said; per. s angl. A. V. Govorunova. 637 p. St.Petersburg, Russkii mir. (In Russian)

Tselkova, L. N. (2011). *Romany Vladimira Nabokova i russkaia literaturnaia traditsiia* [Vladimir Nabokov's Novels and the Russian Literary Tradition]. 232 p. Moscow, Russkoe slovo. (In Russian)

Zhutovskaia, N. (2016). *Avrelianets Pil'gram* [Aurelian Pilgram]. *Zvezda*. No.11, pp. 221–227. (In Russian)

The article was submitted on 04.07.2019

Поступила в редакцию 04.07.2019

Сафиулина Рано Мирзахановна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Московский финансово-промышленный
университет,
105318, Россия, Москва,
Измайловский Вал, 2.
ranovi@mail.ru

Safiulina Rano Mirsachanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Moscow University for Industry and Finance
"Synergy",
2 Izmailovski Val Str.,
Moscow, 105318, Russian Federation.
ranovi@mail.ru